

Легкий грим Натальи Баранниковой.
Фото Александра Сорина

КРАСИВАЯ, НО УМНАЯ

Лауреат «Золотой маски-99» Наталья Баранникова
— актриса синтетического жанра

Глеб Ситковский

НАТАЛЬЯ, когда стало известно, что жюри «Золотой маски» решило присудить вам специальный приз за лучшую женскую роль сезона, для многих это стало неожиданным. И даже когда на заключительной церемонии со сцены Большого театра раздалось ваше имя, по рядам пронеслось: кто-то? Можно сказать, что вы в фестивальном марафоне сыграли роль эдакой «темной лошади». А вы сами как себя чувствуете?

— Конечно, это был сюрприз, потому что не было даже номинации такой. Психологически я совершенно не была к этому готова. — То есть вы не знали, что вам будет вручаться приз?

— Даже не догадывалась. Причем перед этим меня посадили в отдельную ложу — якобы для какого-то телевизионного момента. Ну поскольку мне приходилось работать в разных жанрах, то я спокойно отнеслась к тому, что меня для чего-то хотят заснять. Оказалось, что просто хотели снять мою непосредственную реакцию — падение челюсти до полу в тот момент, когда объявили о специальном решении жюри. Но на самом деле, когда члены жюри «Золотой маски» пришли на спектакль «Лебединое озеро», я, подглядывая из-за кулис, увидела улыбающееся лицо председателя жюри Сергея Юрского и как он кричит «браво». И вот это было для меня настоящим подарком еще до получения «Золотой маски». Юрский с детства был для меня неким авторитетом актерского мастерства — я слушала в детстве его пластинки, где он читал Шукшина. Вообще всегда уважала его как актера, как чтеца, и то, что из его уст я услышала это «браво» в наш адрес, было для меня само по себе наградой.

— Наталья, вы учились на артистку музыкального театра, работаете в кукольном театре, а «Маску» получили фактически как драматическая актриса. Как это получается?

— У меня в дипломе написано «актриса музыкального театра». У нас было целых три специальных предмета — актерское мастерство, вокал и танец. Мы сдавали по полной программе академический вокал, пахали у станка по три-четыре часа в день. Фактически наши учителя — Александр Каневский, балетмейстер Марина Суворова, педагог по вокалу Галина Федорова — делали из нас именно актеров синтетического жанра. Конечно, куклы — это было для меня немного ново. Я играю и в драматических спектаклях, и в мюзиклах, волею судьбы у меня моноспектакль «опера в куклах» — «Иоланта»... Просто я считаю, что моим педагогам удался эксперимент по созданию синтетического актера. Я могу петь какую-нибудь классическую романсовую программу. Я не могу петь в опере, но могу в мюзикле, даже, может быть, в оперетте, пою эстраду, джаз очень люблю.

— А карьеру драматической актрисы в будущем вы для себя не исключаете?

— Я очень хочу поработать в настоящем драматическом спектакле, хотя у меня немного другая природа. Может быть, эта природа в чем-то даже и поможет. Я играла в нескольких драматических работах, и это очень интересно.

— Как вы попали в театр «Тень»?

— Вроде бы случайно, но я уверена, что все случайности в жизни оказываются как-то подготовлены. Просто Майя Краснополянская в свое время заканчивала тоже Гнесинку, только на отделении актеров кукольного театра, и мне, как и ей, преподавала Софья Гутманович. Майя позвонила ей и попросила порекомендовать актрису, которая была бы — смешная история! — красивая, но при этом умная. И Софья Михайловна порекомендовала меня. Видите, как бывает? Ум-то, как выясняется, иногда женщины не может пригодиться.

— У вас не было колебаний? Все-таки кукольный театр, дело для вас было непривычное...

— Вы знаете, я считаю, что если это искусство, то совершенно не важно, в каком это сделано жанре. Вообще конкретно с куклами мне пришлось работать только в спектакле «Иоланта». Но поскольку это моноспектакль, то главное — это человек, а куклы там являются только приспособлениями для выражения определенной идеи.

— И какая именно это идея?

— Идея? Идеальный оперный театр, который грезится каждому человеку. Человек любит этот театр всей душой, но каждый раз, придя на очередную оперу, замечает, что либо актер замечательно работает драматически и при этом слабо поет, либо наоборот — он замечательный певец, но при этом выпученные пустые глазки... Идеального спектакля мне, например, не довелось видеть. А в моей «Иоланте» — такая жажда настоящего оперного спектакля.

— И вы поете там все партии — от сопрано до баса...

— Да, жизнь заставила. Когда мне впервые сказал Илья Эпельбаум, что, мол, мы хотим такой спектакль сделать, я ему говорю: «Ты что, обалдел? Как?! Как я буду петь за всех персонажей — за мужчин, за женщин?» На что он мне сказал: «Да. И за оркестр тоже». Но в результате что-то, кажется, получилось. Мы были с этой работой во Франции, в Германии и имели большой успех.

— Майя Краснополянская сказала мне сейчас, что идея постановки «Оперы «Лебединое озеро» возникла еще до «Иоланты», а «Иоланта» была взята специально для того, чтобы попробовать, как получается это соединение оперы с кукольным театром.

— Да, возможно. Но я стараюсь не вдаваться в творческие изыскания художников и режиссеров, потому что я — всего лишь исполнитель. Мне важен сам результат. Я, честно говоря, даже не очень люблю репетировать. Некоторые все говорили: «Репетиция — любовь моя», а мне вот больше нравится играть спектакли.

— Гордон Крэг, как известно, мечтал о том, что идеальный актер должен быть сверхмарионеткой. Вы рядом с настоящими куклами не ощущаете себя такой сверхмарионеткой?

— Да. Вы знаете, я в молодости увлекалась Крэгом, и мне нравилась эта идея. И из этой идеи я для себя взяла на вооружение то, что актер должен быть марионеткой в том смысле, что ему нужно быть очень подвижным и пластичным. Чтобы режиссер мог через него реализовывать любые свои замыслы. И чтобы актер не сопротивлялся режиссеру, а был как бы мягкой глиной в его руках. Но сохранял при этом, естественно, свой внутренний мир, свое творческое «я».

— Если «Иоланта» решена как моноспектакль, то в «Лебедином озере» вы работаете с партнерами...

— У меня замечательные партнеры. Майя с Ильей работают за экраном, с тенями. А из «живых» актеров участвует еще Алексей Косарев, солист «Геликон-оперы» (и мой муж заодно), а также пианист Андрей Семенов, актер театра «Эрмитаж», композитор. Андрей — не просто концертмейстер за роялем, но настоящий актер. Точно так же и Алеша — не просто певец, но и актер синтетического жанра, который, кстати, учился со мной на одном курсе.

— Мне кто-то сказал, что название театра «Тень» было изменено на «Тень оперы» в шутку, специально для «Лебединого озера», а все приняли это переименование всерьез.

— Сейчас Илья собирается поставить «Гамлета» и переименовать в связи с этим театр в «Тень отца». Так что я не знаю, чего ждать от Ильи, и поэтому ничему не удивляюсь.

— А вы будете играть в «Гамлете»?

— Я не знаю. Как-то не в моем стиле приставать к режиссерам и спрашивать: а что вы мне дадите, а над чем мы будем работать? Стараясь не предлагаться, а ждать предложений. Но при этом работать над собой.

— А вообще сейчас что-то репетируете в театре?

— Будет антрепризная работа в театре «Царицыно». Это полуспектакль — полуконцертная программа по песням Александра Вертинского. В театре «Царицыно» я больше не работаю, но продолжаю работать с Александром Каневским, в его каких-то отдельных работах. Надеюсь еще поработать с ним в мюзикле «Тряпичная кукла» по Гибсону, который он собирается сейчас ставить.

— «Золотую маску», бывает, называют театральным «Оскаром». А «Оскар», как известно, способен круто изменить судьбу артиста, принести ему новые выгодные контракты и заманчивые предложения. Вы ожидаете сейчас, после получения «Маски», чего-то подобного?

— Не то что ожидаю, но надеюсь, что что-то продвинется в моей карьере благодаря этой награде. Некоторые друзья шутят, правда, что теперь надо профессию менять, потому что выше-то куда после «Золотой маски»?

— Вы родом из Самары. В таких случаях принято говорить: выбылась из провинции в Москву. Комплексов по этому поводу у вас нет?

— Абсолютно. Я очень любила Самарский драматический театр. Для меня он был чем-то недостижимым, прекрасным. Я зафанатела театром лет в 13, попав на спектакль «Ревизор» в замечательной постановке Петра Монастырского. Тогда Самарский театр процветал. Там был сильнейший актерский состав, шли замечательные спектакли. Я смотрела там спектакли по 15–20 раз, проводила там все вечера. И я считаю, что часть своей актерской школы я оттуда почерпнула. Я даже мечтала, получив актерское образование, вернуться и работать в этом театре. Но так получилось, что вышла замуж и осталась в Москве.

— Наталья, вы, наверное, знаете, что нынешнему фестивалю «Золотая маска» сопутствовало что-то вроде скандала, связанного с тем, что экспертный совет на предварительном этапе не выдвинул ни одной драматической актрисы в России, достойной награды, и жюри поэтому пришлось как-то выкручиваться в этой ситуации. Как вы сами относитесь к этой истории?

— Значит, плохо искали. Но я об этом, честно говоря, даже не знала. О том, что не было такой номинации, я узнала только на церемонии вручения «Маски». Вообще мне иногда задают какие-то вопросы, и я понимаю, что часть жизни проходит мимо меня. Например, на банкете в мэрии после «Золотой маски» я разговаривала с каким-то человеком, мы с ним выпили даже по бокалу шампанского, и, поскольку он был похож на певца, я спросила его: «Вы поете?» Он засмеялся и сказал: «Нет, я танцую». Оказалось, что это главный балетмейстер Театра Станиславского и Мейерхольда Данченко Дмитрий Брянцев. И таких случаев со мной в жизни было очень много. Вот и то, что не было женской номинации, прошло, оканчивается, мимо меня.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Наталья Баранникова родилась в 1970 году в Самаре. Закончила в 1989 году экспериментальный курс Александра Каневского по специальности «актер мюзикла» в Музыкальном училище имени Гнесиных. После окончания училища работала с режиссером Александром Каневским в театре «Царицыно». С 1988 года начала работать в семейном кукольном театре «Тень» Майи Краснополянской и Ильи Эпельбаума. За работу в спектакле театра «Тень» «П.И. Чайковский. Лебединое озеро. Опера» удостоена специального приза жюри Национальной театральной премии «Золотая маска» за лучшую женскую роль сезона 1997/98 гг.